

бѣломъ свѣтѣ дня—ясной мысли о смерти: вотъ онѣ, эти грубо намалеванныя фигуры, казавшіяся мнѣ чѣмъ то прекраснымъ и таинственнымъ: слава, *общественное благо*, любовь, самое *отечество*... Какъ велики казались мнѣ эти картины, какого глубокаго смысла казались онѣ исполненными! И все это такъ просто, такъ блѣдно и грубо при ясной мысли о смѣрти...»

Оттого такъ блѣдно и грубо, оттого онѣ такъ и померкли и такъ призрачны кажутся предъ лицомъ грядущей смѣрти, что въ нихъ хотѣлось видѣть одно «прекрасное и таинственное», одно красивое и пріятное...

Если разсматривать «общественное благо, отечество», и т. д. только съ точки зрѣнія «*красивыхъ и таинственныхъ* картинъ волшебнаго фонаря», то онѣ дѣйствительно, при бѣломъ свѣтѣ, окажутся «грубо намалеванными» фигурами... Но въ жизненныхъ цѣляхъ, выбранныхъ *этически*,—менѣе всего «таинственности»; онѣ, можетъ быть, даже менѣе всего согласны съ понятіемъ эстетической красоты, но именно потому, что ихъ внутренняя красота *выше* ея, ибо она всегда сама—*при бѣломъ свѣтѣ дня* и никогда не меркнетъ ни отъ анализовъ, ни отъ призраковъ смерти и т. п. Если бы съ этими цѣлями кн. Андрей соединялъ когда либо искреннее и дѣйствительное желаніе блага и пользы другимъ, желаніе, вытекающее изъ присоединенія этическихъ началъ къ своей дѣятельности, изъ этической любви къ ближнимъ, — эти цѣли не могли бы никогда и ничего потерять въ своемъ значеніи предъ лицомъ хотя бы самаго грознаго, самаго осязательнаго призрака смерти!..

П ь е р ь.

Живою противоположностью кн. Андрею является у гр. Толстого Пьеръ, въ которомъ авторъ олицетворяетъ какъ бы